

Цзян Шоюань накануне уснул слишком рано, и, когда проснулся, ещё не рассвело. Лунный свет сквозь неплотно прикрытое окно проникал в комнату и касался стены холодными лучами. Нарисованные бабочки словно трепетали крыльями в призрачном мерцании, и от этого густая, словно туман, атмосфера глубокой ночи немного рассеивалась.

Цзян Шоюань довольно долго смотрел на них широко открытыми глазами. Ему казалось, что он ещё не проснулся и видит сон. Словно по указке неведомых сил, он откинул одеяло, переполз на край кровати и протянул руку, пытаясь поймать эти дрожащие тени. Он ловил их довольно долго, но всякий раз в ладони оставалась лишь пустота, пока до него наконец не дошло: эти порхающие бабочки — всего лишь обман зрения, игра света.

Тогда он принялся ощупывать выступающие пластиковые детали аппликации. И только когда на подушечках пальцев отпечатались красные следы, и он почувствовал тупую боль, он тихо вздохнул: значит, это не сон. Подобное осознание должно было обрадовать, но на лице Цзян Шоюаня не читалось ни капли удовольствия.

Он тихо посидел в полумраке. На стене было шестьдесят семь бабочек. Он пересчитал их трижды, туда и обратно, после чего встал с кровати и взял с тумбочки сигареты. Цзян Шоюань на цыпочках прошёл в полуоткрытую дверь на галерею и направился к лестнице, неосознанно выбрав место подальше от комнаты Чэн Цзайе.

Ночь казалась текучим, ледяным стеклом. Цзян Шоюань прислонился к прохладной колонне, опустил глаза и, прикрыв огонёк ладонью, прикурил зажатую в зубах сигарету. Щелчок зажигалки заглушил звук открывающейся деревянной двери. Никотин, хлынувший в лёгкие, через кровь принёс мгновенное успокоение, заставив мозг проигнорировать приближающиеся шаги. Почти в тот самый миг, когда Цзян Шоюань поднял глаза и выпустил первый клуб дыма, на его плечи мягко легла куртка. Зрачки Цзян Шоюаня слегка сузились, рука дрогнула так, что он едва не выронил сигарету.

— Проснулся? — Чэн Цзайе, казалось, ещё не до конца пришёл в себя. Он обнял его со спины поверх одежды и принялся растирать обнажённые руки. — Какой ты ледяной. Почему не накинул что-нибудь перед выходом? — Невнятно пробормотал Чэн Цзайе с закрытыми глазами, сонно потираясь своими волосами о волосы Цзян Шоюаня, пытаясь прогнать остатки дремоты.

Цзян Шоюань подавил горечь, подступившую к горлу. Его голос прозвучал немного хрипло, но в этой густой ночной темноте это не казалось чем-то неуместным.

— Почему проснулся?

— М-м, в туалет захотелось, — Чэн Цзайе уткнулся ему в шею и потёр глаза. — Вышел, смотрю — ты стоишь, куришь. Так спать хочется, Цзян Шоуянь. Дай и мне затануться.

Цзян Шоуянь, чувствуя прижавшиеся к щеке мягкие, пушистые волосы, ласково ответил:

— Если хочешь спать, иди в постель.

Чэн Цзайе вскинул голову:

— Но я хочу немного постоять с тобой.

Цзян Шоуянь отвёл руку с сигаретой подальше, а другой рукой потянулся назад и взъерошил ему волосы:

— Не кури, а то потом не уснёшь.

Чэн Цзайе ничего не ответил. Лишь в то мгновение, когда Цзян Шоуянь сделал очередную затяжку, он поднял руку, обхватил его за подбородок и, склонив голову, поцеловал. Светлоголубая дымка рассеялась меж их губами. Глаза Чэн Цзайе ярко блестели в тусклом свете настенной лампы галереи. Он чуть отстранился и с улыбкой произнёс:

— Теперь спать не хочется.

Не успел Цзян Шоуянь отреагировать, как Чэн Цзайе плотнее запахнул на нём куртку и сказал:

— Подожди меня минутку, я в туалет.

Пока Чэн Цзайе, вымыв руки, не вернулся, Цзян Шоуянь так и стоял неподвижно в той же позе. На зажатой в пальцах сигарете вырос столбик пепла. Чэн Цзайе подошёл и сдул его.

— Что случилось, Цзян Шоуянь? — Он прислонился спиной к перилам и, чуть наклонив голову, снизу вверх заглянул ему в глаза. — Тебе грустно?

На мгновение их взгляды встретились. Цзян Шоуянь отвернулся и затушил сигарету. Летняя ночь была безмолвной. Бескрайняя тьма служила фоном россыпям ослепительных звёзд. Цзян Шоуянь оперся локтями о перила, вглядываясь в чернеющий вдаль лес.

— Поговори со мной, мы же пара, — Чэн Цзайе переплёл свои пальцы с его. — Быть в отношениях — значит делиться и радостями, и горестями.

У Чэн Цзайе от природы была повышенная температура тела: его руки оставались горячими, хотя он долго стоял на ветру. Ресницы Цзян Шоуяня едва заметно дрогнули. На его плечах была куртка Чэн Цзайе, каждый вдох наполнял лёгкие его запахом — запахом свободы ветра на бескрайних просторах. Что он мог сказать? Что и не думал встретить на краю своей исковерканной жизни такого пылкого человека, рядом с которым каждый день кажется сном?

Но Цзян Шоуянь не мог выдать ни слова. Он так долго глотал свою боль в одиночку, что уже забыл, как об этом говорить. Тем более что судьба свела его с Чэн Цзайе — настолько обжигающе-ярким, что Цзян Шоуяню подсознательно хотелось спрятать от него своё грязное и мрачное прошлое. Ему казалось, что, если всё надёжно скрыть, эта прекрасная иллюзия продлится чуточку дольше. Некоторые вещи он не желал вспоминать сам, не говоря уже о том, чтобы вывалить их на Чэн Цзайе. Поэтому он ушёл от ответа:

— Кажется, я простудился. Чувствую какую-то слабость.

Неизвестно, поверил ли Чэн Цзайе, но в следующую секунду его ладонь опустилась на лоб Цзян Шоуяня. Тот поднял на него глаза. Чэн Цзайе улыбнулся:

— Слава богу, температуры нет. На улице холодно. — Чэн Цзайе растёр его остывшие кончики пальцев. — Пойдём в дом.

Цзян Шоуянь медленно покачал головой. Ему пока не хотелось возвращаться в замкнутое пространство. Его взгляд упал на тянувшийся до самого леса газон перед деревянным домом. Он спросил:

— А можно поспать на улице?

Чэн Цзайе проследил за его взглядом:

— Ты же немного простужен.

Цзян Шоуянь опустил глаза, но тут услышал слова Чэн Цзайе:

— Впрочем, мы можем укрыться чем-то тёплым.

В деревянном доме загорелся свет, даря чернеющему лесу толику человеческого уюта и тепла. Чэн Цзайе отыскал в кладовке водонепроницаемый коврик и палатку и при тусклом свете со двора установил её на газоне.

Она была небольшой, как раз на двоих. Цзян Шоуянь, недавно проснувшись, ещё не захотел спать, поэтому они с Чэн Цзайе просто сидели у входа в палатку, запрокинув головы и глядя на усыпанное звёздами небо. В лесу звёзды сияли куда ярче, чем в городе. Ослепительные, как бриллианты, рассыпанные в бездонном, бескрайнем ночном небе. Воздух был слишком тих, и Цзян Шоуяню захотелось что-нибудь сказать, чтобы нарушить эту тишину. Вспомнив рассказы Чэн Цзайе о ночёвках во время походов, он спросил:

— Ты видел такое же яркое звёздное небо в других местах?

Чэн Цзайе немного подумал и ответил:

— На самом деле, во многих местах пейзажи похожи. Потому что небо — это всё то же небо, и океан — всё тот же океан. Разница лишь в том, с каким чувством на душе ты смотришь на эти звёзды.

По непонятной причине сердце Цзян Шоуяня невольно забилось чуть быстрее. Чэн Цзайе повернул голову и нежно поцеловал его в щёку.

— До встречи с тобой я никогда не наслаждался звёздным небом с таким умиротворением, никогда не находил времени сравнивать, какая звезда светит ярче. И точно так же я никогда не думал о том, чтобы кого-то полюбить. — Густая ночная тьма не могла поглотить спокойный, глубокий голос Чэн Цзайе. — Я не хочу становиться для тебя обузой. Я лишь хочу, чтобы ты был счастлив.

В голове Цзян Шоуяня воцарился полный хаос. Он смог лишь приоткрыть рот и, вторя словам Чэн Цзайе, прошептать:

— Я счастлив. Очень счастлив. За всю жизнь я никогда не чувствовал себя таким свободным, как сейчас.

Именно поэтому он не смел просить о большем. Даже если это продлится лишь одно короткое лето — этого уже достаточно. А потом, когда Чэн Цзайе наиграется и захочет разорвать их связь, Цзян Шоуянь просто уснёт навсегда, забрав с собой эти яркие воспоминания. Всё равно он совершенно одинок. У него изначально ничего не было.

Ночь обострила хрупкие чувства, в голосе Цзян Шоуяня проскользнули скрытые слёзы. Чэн Цзайе тихо произнёс: «Угу», а затем сказал:

— Тогда я тебе кое-что подарю.

Цзян Шоуянь повернул голову и увидел, как Чэн Цзайе протянул к нему сжатый кулак, затем перевернул его и медленно раскрыл ладонь. Крошечный светлячок со слабым мерцанием медленно взлетел вверх. Цзян Шоуянь моргнул и в этом зеленоватом призрачном свете увидел глаза Чэн Цзайе, услышав его слова:

— Цзян Шоуянь, я люблю тебя.

Каким бы ты ни был — я готов принять тебя. Даже самые тёмные твои стороны. Чэн Цзайе считал, что в этом и кроется суть любви. Он был готов принять Цзян Шоуяня абсолютно: со всем его недомолвками и тем, что он отчаянно пытался скрыть, не желая ему показывать. Это неважно, не имеет значения. По крайней мере сейчас, на этой безмолвной вершине горы, они принадлежат только друг другу.

Цзян Шоуянь не помнил, когда именно уснул. Он помнил лишь, что, обняв Чэн Цзайе, очень долго плакал. В моменты эмоционального срыва легче всего потерять дар речи, его горячие слёзы текли по шее Чэн Цзайе, и от этих слёз сердце Чэн Цзайе плавилось.

— Даже если моя жизнь на самом деле — сущий кошмар? Если я — никчёмный человек? — Цзян Шоуянь помнил, как раз за разом задавал Чэн Цзайе эти вопросы, а тот целовал его в шею и отвечал: «Всё в порядке, это не имеет значения».

Сквозь рыдания Цзян Шоуянь вскинул голову и разделил с ним горький поцелуй. С самого детства он получал так мало хорошего, что привык дорого платить за любую кроху проявленной к нему доброты. Но в случае с Чэн Цзайе ему не хотелось возвращать долг. Казалось, чем больше он будет ему должен, тем дольше они смогут оставаться связанными друг с другом.

На следующее утро, когда Цзян Шоуянь проснулся, в палатке был только он один. Глаза болели от слёз, голова слегка кружилась. Он прикрыл веки рукой: вспоминая вчерашнее, он

невольно почувствовал жгучий стыд. Взрослый человек, а рыдал в объятиях того, кто младше него... Ему вдруг захотелось вцепиться себе в волосы от неловкости. Однако он выпустил негативные эмоции полностью, и на душе стало на удивление легко. Но стоило ему выйти из палатки и увидеть Чэн Цзайе, который на заднем дворе мыл электроскутер, как вся лёгкость мгновенно испарилась.

Он поджал губы, собираясь юркнуть обратно, чтобы хоть немного унять смущение, но Чэн Цзайе, словно затылком почувствовав его присутствие, вовремя обернулся. Цзян Шоуяню поневоле изменил направление и, сохраняя невозмутимый вид, зашагал к нему.

Чэн Цзайе смотрел долго и пристально и, когда Цзян Шоуянь уже готов был сорваться и потерять самообладание, мягко улыбнулся:

— Доброе утро, Цзян Шоуянь. — Тот только открыл рот, чтобы ответить, как пальцы Чэн Цзайе коснулись уголков его глаз. — Опухли от слёз.

В этот миг Цзян Шоуяню нестерпимо захотелось убить свидетеля, чтобы заставить его замолчать. Слово почувствовав эту вспышку холода, Чэн Цзайе коснулся губами его щеки и добавил:

— Я люблю тебя, Цзян Шоуянь.

Возможно, дело было в разнице культур, но Чэн Цзайе всегда умел выражать свои чувства предельно прямо. Для Цзян Шоуяня же это было невероятно трудно. Эти три слова словно обжигали язык, и он никак не мог заставить себя произнести их. Покраснев до кончиков ушей, он лишь слегка отвернулся и спустя вечность пробормотал под нос ответное:

— Доброе утро.

Неловкость не покидала его. Ему было не по себе от того, что он сорвался перед младшим, поэтому почти весь день избегал Чэн Цзайе. Тот, казалось, всё понимал: не лез с разговорами, лишь позвал его вниз к обеду.

Так продолжалось до вечера. Цзян Шоуянь сидел в задумчивости, крутя кольцо на пальце, когда окно, выходящее на галерею, внезапно распахнулось снаружи. Чэн Цзайе заглянул в комнату, его волосы упали на глаза, придавая ему обиженный и немного жалкий вид.

— Ты весь день от меня прячешься, — протянул он.

Он прекрасно знал, за какие ниточки дёргать — этот взгляд всегда заставлял сердце Цзян Шоуяня смягчиться.

— На заднем склоне горы есть природные горячие источники. Мы весь день не выходили из дома, давай вечером сходим искупаемся?

Сан-Мигел — вулканический остров, здесь много естественных купален. Вода в них имеет желтоватый оттенок, а на берегах часто встречаются диковинные водоплавающие птицы. Источник находился недалеко от дома. Они не взяли с собой сменную одежду и на берегу просто сняли футболки. Лунный свет, словно вода, просачивался сквозь деревья, озаряя лес и фигуру Цзян Шоуяня.

Положив футболку на чистый камень, Цзян Шоуянь обернулся и встретился взглядом с Чэн Цзайе. Даже сквозь клубы пара, поднимающиеся над водой, он почувствовал этот обжигающе-горячий взгляд. Цзян Шоуянь в одних шортах присел на краю, не спеша погружаться, и лениво болтал ногами в тёплой воде. Чэн Цзайе подплыл ближе и поцеловал его в колено. Алый румянец разлился по груди Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе обхватил его лодыжку и осторожно потянул за собой в воду.

Воды источника были мягкими, расслабляющими, казалось, в них отдыхают и тело, и душа. На лбу Цзян Шоуяня выступила испарина, Чэн Цзайе коснулся его покрасневшихся век. Температура вокруг них словно выросла, и, тяжело дыша, они слились в поцелуе.

<http://bllate.org/book/14908/1588503>